

СИрения

ПЫШНАЯ ПРОБЛЕМА ДЛЯ ДВУХ ПОВЕЛИТЕЛЕЙ

УДК 7.04
ББК 85
С40

СИрения

С40 Пышная проблема для двух повелителей / СИрения – М.: Литнет, 2026. – 248 с.

ISBN 978-5-521-99102-0

Похитить Снегурку на Новый год — казалось бы, что может быть безобиднее? Но два брата-правителя жестоко просчитались. Я — не сказочная дева, а женщина с характером, и в их мире моя внешность сводит с ума. Теперь ледяной маг и повелитель огня, забыв о скуке, ведут настоящую войну за моё внимание. Их вражда раскалывает трон, а их прикосновения заставляют гореть меня. Я должна положить конец этому безумию, но как выбрать одного, если хочешь обоих?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99102-0

© Литнет, 2026
© СИрения, 2026

Глава 1

Лариса

Знак приближающейся катастрофы был всего один – впивающаяся в бок молния от костюма Снегурочки. Шестой размер груди отчаянно боролся с пятым размером лифа, сшитого для практикантки Кати, которая в последний момент слегла с температурой. Идея нарядить «кого-нибудь» в костюм для создания атмосферы оказалась роковой. Казалось, сама судьба, в лице менеджера по кадрам Светланы Викторовны, с улыбкой, не предвещающей ничего хорошего, подвела меня к этой стойке с нарядами и указательным перстом, окрашенным в ядовито-коралловый цвет, определила мою участь.

«Дыши, – приказывала я себе, стоя в самом темном углу зала. – Главное – не делать глубокий вдох, а то тресну по всем швам. В прямом смысле». Воздух был густым и сладким от смешения парфюмов, запаха жареной курицы и шампанского. Каждый вздох требовал усилий, словно я дышала не кислородом, а сиропом.

Новогодний корпоратив в «ТехноСервисе» был в самом разгаре, и я чувствовала себя в этом дурацком наряде не просто заложницей, а главным призом в лотерее, который никто не хочет выигрывать. Синий сатин атласной кофточки отчаянно натянулся на груди, а парчовый кокошник давил на виски, вызывая начинающуюся мигрень. Из колонок лилась какая-то безликая танцевальная музыка, а под ней – гул десятка разговоров, в которых она не участвовала. Этот гул был похож на рой пчел, каждая из которых жужжала о своих мелких проблемах и сиюминутных радостях, абсолютно чуждых мне в этот вечер.

«Ну вот, Андрей из бухгалтерии уже пятый раз рассказывает про свою лодку. Интересно, он понимает, что всем плевать? А Ольга... Боже, Ольга, хватит уже подмигивать Сергею Петровичу. Он твой взгляд «томной пантеры» воспринимает как симптом

отслоения сетчатки», – проносилось в голове. Я наблюдала за этой суетой словно со стороны, через толстое стекло аквариума, где я была нелепой, перекормленной золотой рыбкой, которую вот-вот разорвет от внутреннего давления.

Мой взгляд упал на собственное отражение в темном окне. Костюм, который должен был создавать волшебное настроение, лишь карикатурно подчеркивал все, что так хотелось скрыть. Вместо нежной Снегурки вышла этакая Снежная Баба, готовящаяся к схватке с мужиками за снежную крепость. Румянец на щеках от смущения и духоты казался ей кричаще-ярким, словно меня измазали гуашью. Даже мои собственные волосы, обычно послушные, сегодня выбивались из-под кокошника жалкими, липкими от лака для волос прядями.

– Лар, чего одна стоишь? Иди, танцуй! – Ольга, уже изрядно подшофе, схватила ее за локоть. Ее пальцы были липкими от чего-то сладкого, вероятно, от капель засахарившегося коктейля. – Ты же у нас сегодня главная героиня! Снегурка-привлекагурка!

– Да я, знаешь, не очень... костюм жмет, – выдохнула я, чувствуя, как под взглядами коллег швы на плечах натягиваются еще сильнее, превращаясь в тонкие, болезненные струны, впивающиеся в тело.

– А, все понятно! – Ольга многозначительно хлопнула ее по плечу, и взгляд ее скользнул вниз по моей фигуре, задержавшись на тщетно пытающемся сдержат натиск лифе. – Комплексуешь. Зря, милая, мужчины нынче любят... что погорячее. Ты у нас сегодня – жаркая Снегурка!

«Нет, я сегодня – несладкая Снегурка на выданье, которую вот-вот разорвет от внутреннего давления», – ядовито подумала я, чувствуя, как по щекам разливается огненная краска. Ее слова повисли в воздухе, липкие и неприятные, как те самые капли на ее пальцах.

Это был предел. Предел терпения, самоиронии и способности притворяться счастливой участницей этого адского праздника.

Я должна была сбежать. Сейчас же. Мне казалось, что еще один такой взгляд, еще одна подобная фраза – и я просто лопну, разлетевшись по этому залу синим сатином и притворным смехом.

– Знаешь, у меня голова раскалывается от этого кокошника, – сказала я, уже не скрывая раздражения, которое копилось во мне весь вечер, как вода за дамбой. – Пойду, сниму это все.

Ольга уже потеряла ко мне интерес, ее взгляд метнулся в сторону Сергея Петровича, который неловко отбивался от ее атак, поправляя галстук. Я, стараясь не делать резких движений, чтобы не порвать ткань, рванула к выходу, чувствуя на себе десяток быстрых, оценивающих взглядов. «Наверное, думают, что я побежала плакать в туалет из-за своего вида. Ну и пусть. Лишь бы отстали». Я почти физически ощущала эти взгляды на своей спине, словно прикосновения холодных, скользких щупалец.

Коридор офиса был пуст и освещен только аварийными светильниками, отбрасывающими на стены длинные, искаженные тени. Тишина после шума зала оглушила, в ушах стоял звон, словно я только что вышла из цеха с промышленным оборудованием. Я зашла в свой кабинет, щелкнула выключателем, и первым делом с диким облегчением сорвала с головы ненавистный кокошник. Он с глухим стуком упал на пол, и я с наслаждением вдохнула полной грудью, впервые за вечер. Затем, повожившись, расстегнула тугую молнию на кофточке и с глухим стоном высвободила из сатинового плена грудь и села за свой стол, чувствуя себя наконец-то собой. Уставшей, голодной и несчастной, но собой. Стол был завален бумагами, на мониторе застыл незавершенный отчет, и эта привычная, рабочая обстановка была в тысячу раз приятнее, чем дурацкий праздник за стеной.

«Вот он, мой Новый год. Одиночество, стены цвета тоски и бутерброд с колбасой», – с горькой иронией подумала я, доставая из сумки заветную пленку с едой. Бутерброд был маленьким, жалким бунтом. Пока все ели канапе, я с наслаждением откуси-

ла бы кусок обычного хлеба. Развернула пленку и уже поднесла бутерброд ко рту, как вдруг мой взгляд упал на пустую стену напротив. Там, где обычно висел календарь с видами природы, теперь висело... ничего. Абсолютная, непроглядная чернота. Не просто тень, а нечто плотное, бездонное, словно кусок космоса провалился в офис. Я заморгала. «Переработалась. Голодные галлюцинации. Надо поесть». Я даже протерла глаза тыльной стороной ладони, ожидая, что видение исчезнет.

Но черное пятно не исчезло. Наоборот, оно начало расти, расплываясь по стене, как чернильное пятно на промокашке. Из его центра поползли изумрудные и серебристые искры, складываясь в причудливые, витиеватые узоры, напоминающие то ли древние руны, то ли схемы неведомых процессоров. Воздух затрепетал, наполнившись запахом... Озона? Или статического электричества? И еще чем-то неуловимо чужим, холодным, как межзвездный вакуум.

«Это что, новый корпоративный перформанс? Сергей Петрович решил удивить?» – эта абсурдная мысль пронеслась в голове, пока я сидела, парализованная, с половинкой бутерброда во рту. Разум отчаянно пытался найти рациональное объяснение, цепляясь за самые нелепые версии, лишь бы не признать очевидного – происходит нечто за гранью понимания.

Пятно превратилось в сияющий портал, испускающий слабый гул, который я ощущала скорее костями, чем ушами. И из его глубины на меня уставились две пары глаз. Одна – холодные, пронзительные, цвета льда, без единой искорки тепла или сочувствия. Другая – пылающие, золотисто-янтарные, полные дикого, необузданного любопытства, словно я была не человек, а редкий, невиданный экспонат.

Я не успела закричать. Не успела даже выронить бутерброд. Из портала вытянулись две пары сильных, совершенно одинаковых мужских рук в обтягивающих темных перчатках незнакомого

материала. Одна пара схватила меня за плечи с железной, не оставляющей сомнений хваткой. Другая – обвила бедра, прижимая к чему-то невидимому и неумолимому.

– А вот и наша Снегурка, – прозвучал над самым ухом низкий, бархатный голос, от которого по коже побежали мурашки, смешивая ужас с каким-то первобытным, животным интересом.

И меня рвануло с кресла вперед, навстречу этой ослепительной, пугающей черноте. Мир проплыл перед глазами серым месивом из офисной мебели и синего сатина, валявшегося на стуле, а потом меня поглотили холод и вихрь из звездной пыли. Последнее, о чем я успела подумать, прежде чем сознание поплыло, было с обидной, идиотской ясностью: «Черт. А бутерброд был действительно вкусный».

Глава 2

Орлиан

Тишина в Умбросе давила на уши. Не та благоговейная тишина библиотек или святилищ, а густая, вязкая, как смола, подавляющая любое проявление жизни. Я стоял у окна своей обсерватории, взирая на пейзаж, знакомый до тошноты: башни из черного камня, вечно сумеречное небо с тучами пепла, равнины без единого яркого пятна. Оттенки свинца, угля и увядшей сирени. Предсказуемо. Статично. Безнадежно. Мое королевство было воплощением порядка, но за эту стабильность оно заплатило душой. Здесь не смеялись до слез, не пели на площадях просто так, от избытка чувств. Даже ссоры здесь были тихими, размеренными, как отлаженный ритуал. Скука была хронической болезнью, и я искал лекарство. Я исчерпал все архивы, все трактаты по магии мироздания, искал ответ в движении звезд и в шепоте теней, но все было тщетно. Мир был безнадежно правильным, и от этого безупречного однообразия сводило зубы.

От нечего делать я запустил сложный заклинательный контур – паутину из чистой магии, раскинутую за пределами нашей реальности. Это была отчаянная попытка, последняя надежда найти что-то, что не подчинялось законам Умброса. Я искал аномалию. Источник хаоса, который мог бы встряхнуть это оцепенение. Я слушал тишину между мирами, вглядывался в бездну, где пляшут ошметки иных измерений, и в течение многих часов не находил ничего, кроме такого же мертвого, предсказуемого хаоса. И вдруг... меня пронзило.

Резкий, визгливый, оглушительный шум. Не физический, а ментальный. Вихрь из чужих, нестройных эмоций: притворного веселья, тайной тоски, алкогольного возбуждения, усталости, раздражения,

пошлых мыслей и наигранного энтузиазма. Это был какофонический взрыв, обрушившийся на мои чувства, привыкшие к упорядоченному безмолвию. Я вздрогнул и отшатнулся от окна, едва не потеряв концентрацию. Это было омерзительно. И... пьяняще. Как глоток крепкого вина после долгой диеты на воде. Мой разум, изголодавшийся по новым впечатлениям, с жадностью ухватился за этот хаос.

Я сосредоточился, отсекая лишнее. Сквозь магический гам, сквозь этот вихрь из чужих переживаний, пробивалась простая, ритмичная мелодия. И голоса. Множество голосов, скандирующих что-то хором. «Раз-два-три! Елочка, гори!» Я не понял смысла, но уловил общую тональность – коллективный, почти ритуальный восторг. Кто-то добровольно участвует в этом? Меня поразила сама эта идея – массовое, синхронное излучение столь примитивной, но такой мощной эмоции. В Умбросе такое было немыслимо.

И тогда я увидел ее. Образ, просочившийся сквозь щель между мирами, словно луч света в затхлое подземелье. Женщина. Невероятно прекрасная. Щеки, покрасневшие от настоящего смущения, а не от румян или магических зелий. Пышные формы, стесненные в нелепом синем костюме, сшитом, судя по натянутой ткани, явно не для нее. Золотистые волосы, выбившиеся из-под странного головного убора. Вся ее поза, то, как она съежилась в темном углу, кричала о желании провалиться сквозь землю, исчезнуть, раствориться. Но в этом жесте отчаяния и неловкости было больше подлинности, больше настоящей, невыдуманной жизни, чем во всем моем королевстве за последнюю тысячу лет. Она была антитезой всему, что меня окружало.

«Снегурка...» – это слово пришло ко мне из чужих мыслей, как отчетливая подпись под этим живым портретом. Обрывки чужого сознания донесли до меня смысл: некое мифологическое существо, дух зимы, но в этом контексте – просто роль, маска, надетая для какого-то ритуала.

Она была полной. Яркой. Абсолютно чужой. Но в ее глазах, полных обиды и сарказма, в той ядовитой иронии, с которой она наблюдала за происходящим вокруг, был тот самый источник. Источник хаоса и жизни, которую я инстинктивно искал. Она не вписывалась в свой мир так же, как я не вписывался в свой, но ее невписанность была горячей, трепетной, наполненной кровью и нервами, а моя – холодной и рациональной. Моя логика, мой главный инструмент, мгновенно выстроила безупречную, с точки зрения умбросской науки, цепочку: Этот мир обладает энергией, которой лишен Умброс. Эта энергия концентрируется в существе под названием «Снегурка». Чтобы изучить феномен, необходим непосредственный доступ к источнику. Следовательно, источник необходимо доставить сюда. Для изучения.

Никаких сомнений в этичности метода у меня не возникло. Это был научный эксперимент. Захват образца. Я видел в ней не личность, а уникальный артефакт, излучающий ту самую «энтропию жизни», что могла бы стать катализатором перемен в моем застывшем мире. Дверь в обсерваторию с грохотом распахнулась, нарушая мои размышления.

– Брат! Ты слышишь? Этот... гам! – ворвался Сезарий, его глаза горели азартом, а пальцы нервно теребили складки темного плаща. Он всегда был более эмоционален, его тяготила наша размеренная жизнь куда сильнее, чем меня, и он, как дикий зверь, чувствовал любую бурю еще до ее начала.

– Я не глух, – холодно парировал я, не отводя взгляда от мерцающего образа. Мне не хотелось делиться своим открытием, но скрыть его было невозможно – энергетический всплеск был слишком мощным.

– Что это? Откуда? Это же... это же весело! – Сезарий подошел ближе, зачарованно глядя на видение, на это окно в другой, шумный и яркий мир. Его привлек не сам образ женщины, а тот эмоциональный фон, что ее окружал – тот самый шум, что резал слух, но манил своей запретной энергией.